

День Петра и Февронии

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов
День Петра и Февронии

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Евдокимов А.

День Петра и Февронии / А. Евдокимов — «ЛитРес: Самиздат»,
2009

Частный сыщик Ян Янов приезжает к богатой вдове Тане. В её доме — труп домработницы Алёны. В руке Алёны — пачка долларов из сейфа Тани, на запястье — танин браслет ценой в двадцать тысяч долларов. Таня бубнит: "Я её не убивала". Янов пытается Тане поверить, но его берут сомнения. Вскоре появляются новые подозреваемые.

Таня подвела меня к труп, сказала: “Знакомьтесь, Ян. Это Алёна”. Вот такая она весёлая, жизнь частного сыщика: не успел я толком познакомиться с Таней, красавицей живой, как Таня представила мне красотку мёртвую. Выбирай – не хочу.

Красавицей я назвал Таню из вежливости к тому парню, которому бы Таня приглянулась. Девять из десяти мужиков назовут Таню носатой чебурашкой. Уши торчком, нос кочергой, глаза навывкате... вот уж человеку не повезло, так не повезло. Зато Алёна даже мёртвой выглядела на сто баллов. Таких называют шикарными. Вопрос к психологам: почему некрасивые нанимают себе в служанки красоток?

Таня пробубнила стандартную отмазку из серии “Я её не убивала. У меня столько силы нет”. Я попытался Тане поверить. Не вышло. Алёну ударили по затылку бутылкой, полной вина, а Таня, здоровенная бабища, управилась бы и без бутылки. Алёну, миниатюрную и хрупкую, Таня прибила бы и кулаком.

Таня продолжила бубнить: “Не родись красивой... Ведь ей всего-то двадцать!”. Таня произнесла “всего-то двадцать” с той ноткой сожаления, которая сквозит в разговорах о возрасте у женщин, разменявших третий десяток. Тон чуть не похоронный, словно тридцать лет – а Тане на вид я бы дал тридцать пять – это возраст выхода в тираж.

К “всего-то двадцать” Таня добавила нечто вроде того, что времена пошли тяжёлые, хорошую служанку нанять проблема, а когда округа узнает, что в доме Тани служанку убили... какая ж дура теперь к Тане в служанки наймётся? А какие Алёна делала пельмени! Это ж были не пельмени, это ж была сказка!

Я начал фотографировать на камеру мобильного труп и окрестности. Я слушал Таню краем уха. Пропустить или забыть что-то важное не боюсь, потому как диктофон на мобильнике не выключаю, чтобы не забыть в нужный момент включить. Работает себе в фоновом режиме, хлеба не просит, а пользу приносит неоценимую.

Пока я клепал снимки места преступления, Таня мне напоминала, зачем меня вызвала. Мол, моя цель – подсказать Тане, что делать и как себя вести. Таня хотела, чтобы я всё увидел первым, таниными словами: “чтобы менты не повесили этот труп на меня”. Тане подруга говорила, что я в таких делах мастак. Когда подруга узнала, что Таня нанимала частного сыщика с целью прощупать Алёну, то дала мой номер, и на будущее посоветовала меня как лучшего из лучших.

Как от лучшего из лучших Таня от меня ожидала, чтобы я зафиксировал всё, что зафиксировать надо, чтобы если “менты начнут клеить мне неизвестно что, или что-то подтасуют”, то я мог выступить на суде с опровержением “ментовских штучек”. Мол, после того как я зафиксирую всё что надо, “хитрые менты” не смогут что-то подкинуть, убрать, передвинуть – в общем, не смогут подстроить так, чтобы хоть единая пылинка указывала на Таню как на убийцу Алёны.

Монолог Таня завершила словами: “Я ментов знаю, сериалы смотрю. Ментам лишь бы с мокрухи побыстрее сдыхаться, чтобы не портить статистику”.

Я попросил Таню слово “мент” при мне если и употреблять, то без оттенка брезгливости в смеси с пренебрежением и ненавистью. Всё же расследовать убийство таниной служанки будут именно менты, и в случае надобности под пулю, нож, дубинку убийцы, которому зачастую терять нечего, полезут именно менты.

От меня как от частного сыщика, соплеменники которого во всех книгах и сериалах иначе как на ножах с ментами не общаются, Таня пламенной речи в защиту ментов не ожидала. Так и застыла как вкопанная. В глазах Тани я прочёл фразу: “Хорошенького же, подруга, ты мне посоветовала частного! Да он же за ментов горой! Как он мне поможет?!”.

Таня взяла себя в руки, сказала, что если я буду ставить условия, то щедрого клиента в Тане не увижу. Я сказал, что клиент, хоть щедрый, хоть скупой, мне не указ. Если я к Тане и наймусь – что ещё под большим вопросом – то условия будет ставить не Таня, условия буду

ставить я. Если моя наглость Таню не устраивает, то меня в танином доме задерживает ровным счётом ничего.

Над моими словами Таня размышляла целую вечность – секунды две. Отпустить меня Тане хотелось как ловеласу-профи подцепить французский насморк. Таня спросила, что означают мои слова “ещё под большим вопросом”. Разве я не хочу к Тане наняться и заработать кругленькую сумму?

Я объяснил, что для начала я должен осмотреться. Потому как дело может пахнуть нафталином, а за дела с душком я берусь не раньше чем убежусь, что не придётся выгораживать убийцу. Потому как спасать от камеры злодея – задача адвоката. Я по другую сторону баррикады. Моя задача – злодея посадить. Если окажется, что Алёну убила Таня, то предложи мне Таня хоть миллион – откажусь.

От моего допущения, что убийцей может оказаться Таня, моя возможная нанимательница чуть не стала заикой. Чтобы Таня вспомнила о даре речи, я попросил Таню вкратце рассказать о себе, чтобы в общих чертах знать, с кем имею дело. Ведь о Тане я знал лишь то, что меня ей посоветовала подруга. И ещё я знал, где Таня живёт, потому как Таня, когда меня вызывала, по телефону объяснила куда ехать.

Живёт Таня за городом, в коттеджном посёлке Южный, что не так давно вырос посреди леса. Всего посёлка – три параллельные улицы с переулками, правда, улицы длинные, по полчаса ходу быстрым шагом. И со всех сторон посёлка – высоченные сосны. Если у большинства жителей Южного двор окружён соседями, то у немногих везунчиков – в том числе и у Тани – владения задним двором прилегают к лесу. Свежий воздух, шорох ветра в сосновых кронах, фитонциды, эфирные масла... Ну не сказка ли? А запах! Разве бывает что-то круче запаха соснового леса?

Вот и всё, что я знал о Тане. Нет, соврал, то было не всё. Когда приехал, я узнал ещё и то, что Таня в холле своего дома нашла труп служанки Алёны.

Мою просьбу в двух словах поведать подробную историю своей жизни Таня не удовлетворила. В графе “О себе” Таня не рассусоливалась, сказала только: “Муж умер, оставил дом и деньги. Живу на проценты”. Пришлось довольствоваться малым.

Затем я вспомнил, что я таки сыщик, и приступил к работе.

Первым делом я ещё раз для себя отметил, что Таня большая и некрасивая, а Алёна миниатюрная и шикарная. Танину некрасоту не мог сгладить даже толстый слой косметики, что покрывал танино лицо. Алёна же перед смертью коснулась лица косметикой лишь чуть, и не для того, чтобы скрыть дефекты, а чтобы подчеркнуть природную красоту. Вопрос, почему некрасивые нанимают служанками красоток, я таки решил задать на форуме психопатологов.

Вторым делом я приступил к расспросам. На вопрос, когда обнаружила труп, Таня сказала, что наткнулась на тело Алёны за десять секунд до того, как позвонила мне. А когда Таня позвонила мне, то в числе прочего сказала: “Мою служанку Алёну убили”. После разговора с Таней я глянул на мобильнике на время таниного звонка, и оставил в записной книжке мобильника пометку: “Труп Алёны, 13.13”.

Таня сказала, что когда нашла Алёну, то ни к чему не прикасалась, всё оставила как было, потому как “я сериалы смотрю, там говорят ничего не трогать”. Не трогала Таня ни бутылку с кровью на этикетке, ни пачку долларов, ни браслет на руке Алёны, хотя браслет хотела таки снять, “чтобы менты не прикарманили”. Я спросил, с какой такой стати Таня хотела снять с руки Алёны браслет.

Таня посмотрела на меня взглядом “Что ж тут неясного?”, сказала:

– Потому что, может вы и не разбираетесь, а браслету цена – двадцать штук баксов. И если бы милиция этот браслетик прихапала, то мне было бы очень жаль. Потому что браслетик мой. И вон те денежки, что Алёна держит в левой руке, тоже мои. В той пачечке десять штук баксов.

– А вон те перчаточки для мытья посудочки, которые у Алёночки в правой ручечке, тоже ваши?

– Точно не знаю, но думаю, что с моей кухни. А на моей кухне моё всё. Ян, а меня передёргивать “ручечками” обязательно?

– Простите, не удержался. И как, на ваш взгляд, у Алёны на руке оказался ваш браслет ценой в двадцать штук баксов, а в руке – пачка баксов ценой в полбраслета?

– Что ж тут неясного? Алёна меня обокрала. Не дура, знает что брать. Я ей рассказывала, что браслет стоит двадцать штук.

– Вот это вы сделали зря.

– Где были ваши советы раньше?

– Где вы хранили браслет и деньги?

– В сейфе. У меня в спальне стоит сейф. Там и хранила. И как она не побоялась лезть в сейф, когда я дома? Я давно знала, что она рискованная. Но не думала, что настолько. Ведь я могла её застукать.

– Почему вы решили, что Алёна рискованная?

– Это личное. Думаю, к делу не относится.

– Откуда Алёна узнала код сейфа?

– Теперь не узнаем. Я ей не говорила. Я не только ей, я не говорила никому. Я ж не дура.

– В общих чертах всё ясно. Я звоню в милицию.

Таня чуть не хлопнулась в обморок. Когда пришла в себя, сказала, что не думала, что я буду звонить в милицию раньше, чем найду железные доказательства таниной невинности. В ответ я сказал, что по закону я должен был позвонить следователю как только увидел труп. Не позвонил сразу как увидел труп только потому, что хотел ухватить суть дела, чтобы было что сказать следователю кроме пустого “Я нашёл труп”.

Я добавил, что Тане волноваться не о чём, потому как пока следователь до таниного дома доберётся, я ещё успею – если Таня таки невинна – найти Тане то, чего она так безумно желает.

Я позвонил Юсупу. У Юсупа оказалось по горло дел, притом уголовных. Я рассказал, что успел узнать. Юсуп мне напомнил, что влипать в истории с трупами я мастак, и что пора бы мне уgomониться, пообещал приехать через час, наказал “всех впускать, никого не выпускать”, связь разорвал по-английски, без трёхминутных прощаний.

Я переключился на Таню. Спросил, где прохлаждалась, пока в танином холле убивали Алёну. Перед тем как ответить Таня замялась, покраснела, но таки нашла в себе силы выдать: “Я была в туалете”.

Таня пару секунд помолчала, собралась с силами, затем выпалила:

– Обьелась огурцов. Дура! Они ж наверняка буржуйские, тепличные, в них нитратов больше, чем воды. Теперь бегаю на горшок каждые полчаса. Наверное, отравилась.

– Когда вы убегали на горшок, на часы небось не посмотрели?

– Как раз посмотрела. По дороге в туалет у меня на стене висят часы. Мужу, царствие ему небесное, повесила, чтобы помнил, сколько проторчал на унитазе, а то как уйдёт туда с журналом, так можно...

– Ясно. И сколько показывал тот будильник, когда вы отправились в туалет?

– Ровно час дня. Алёну в холле я не видела.

– Вернулись из туалета, увидели Алёну, и сразу позвонили мне. Тогда было тринадцать минут второго. Значит, в эти тринадцать минут Алёну...

– Гениально! Я до этого додумалась ещё до того, как позвонила вам. Да, в эти тринадцать минут Алёну и убили. Если такие потрясающие выводы вы называете работой частного сыщика...

– Я хотел сказать, что в эти тринадцать минут Алёну или убили здесь, или сюда принесли, а убили за тридевять земель вчера вечером, а труп, чтобы сбить с толку судмедэксперта, обернули в плед с электроподогревом.

– Хм... А плед-то зачем?

– Поройтесь в инете, поищите азы того, что называют работой частного сыщика.

– Пороюсь. А вчера вечером и за тридевять земель Алёну убить не могли, потому что я её видела где-то в полпервого на моей кухне.

– Значит, о пледе можно забыть.

Я присел, осмотрел труп. Мои познания в технологии определения времени смерти скромны, ведь я не врач, но лишний раз не проверить себя я не мог.

Итогом моих исследований стал вывод: Алёна умерла примерно в час дня плюс-минус четверть часа. Осталось дожидаться вывода судмедэксперта и узнать, насколько я ошибся.

Если учесть, что Алёна – по моим прикидкам – умерла в час дня, то получалось, что танина служанка покинула нас в момент, когда Таню – с её слов – на тринадцать минут усадили на унитаз тепличные огурцы. Я подумал, что алиби у Тани – если Таня таки не убивала – выглядело сногсшибательнее некуда. Попробуй с таким алиби сунься к судье. Хорошо, если судья посмеётся тебе в спину, когда уйдёшь, а то ведь может рассмеяться в лицо.

О грустном я решил подумать позже, когда придёт время намылить верёвку.

Пока до верёвки дело не дошло, я обратил внимание на мобилку, что лежала рядом с телом Алёны. Я присел, мобилку рассмотрел, поднял на Таню взгляд-вопрос: мол, “Чья трубка-то? Тоже ваша?”. Таня мотнула головой, взглядом-ответом указала на Алёну: мол, “Её, чья же ещё!”.

Я натянул на руки перчатки, чтобы не стереть отпечатки и тем не подкузьмить криминалистам, прошёлся по последним звонкам, что запомнила трубка Алёны. Трубку с пола не поднимал, кнопки трубки нажимал с превеликой осторожностью, да ноготком через резину перчаток.

В двадцать минут первого, примерно за сорок минут до того как Алёна нас покинула, Алёне звонил Артур. В десять минут второго, через десять минут после – согласно моим прикидкам – алёниной смерти, Алёне звонил Влад, причём судя по записям в памяти мобилки, Алёна с Владом разговаривала две минуты.

Разговор Влада с Алёной закончился в двенадцать минут второго. Через минуту Таня позвонила мне и сказала, что нашла труп служанки.

Можно было допустить, что Алёна обчистила сейф, а когда собиралась дом Тани покинуть и проходила через холл, позвонил Влад. Алёна остановилась в холле и принялась болтать с Владом. Вместо того чтобы хватать ноги в руки да нестись с ворованным куда подальше от места преступления, Алёна целых две минуты болтала по телефону? В такую глупость со стороны Алёны я не верил.

Я мог допустить и другое: Алёна шарила по сейфу Тани и по ходу дела болтала с Владом. В такую бесшабашность Алёны я не верил ещё больше, чем в то, что Алёна после кражи болтала по телефону и давать дёру не торопилась. Разве что Алёна разговаривала с Владом в момент вскрытия сейфа потому, что Влад диктовал Алёне код сейфа. Но Таня сказала, что код сейфа хранила под большим замком.

Оставался вариант номер три: Алёна поговорила с Владом, и принялась вскрывать сейф. Правда, Алёне пришлось бы успеть всего за минуту отпереть замок сейфа, схватить добычу, да выбежать в холл. Если для дряхлой старухи такая скорость сродни космической, то для молодой девчонки минута – это целая вечность. На третьем варианте я и угомонился, потому как варианты номер один и номер два выглядели куда бледнее. Кроме того, я мог выдумывать версии до утра, мне только дай волю, а когда же работать?

Чтобы не заморачиваться, не переписывать номера телефонов Артура и Влада с трубки Алёны вручную, я одним махом скопировал телефонную книгу с трубки Алёны на мой мобильник по блютусу.

Пока сидел возле Алёны и возился с мобилкой, заметил на боку блузки Алёны затяжку, как если бы Алёна зацепилась блузкой за гвоздь, да нитка из ткани блузки осталась на гвозде. Я задался вопросом: почему Алёна, одетая вовсе не в спецовку служанки, а наоборот, как для прогулки с любимым под ручку, во всё парадное, на затяжку внимания не обратила? Вопрос попросил тайм-аут, сказал, что как только наступят лучшие времена, так сразу и пришлёт ко мне нарочного с ответом. Я согласился подождать.

Моя возня с мобилкой Тане наскучила. Таня зевнула. Чтобы Таня не заснула, я задал короткий вопрос: “Кто такой Артур?”. Таня разразилась длинным монологом. Начала с того, что Артур – родной брат Алёны. Продолжила тем, что Артур работает садовником в одном из домов посёлка Южный. Закончила тем, что если бы не такие обеспеченные как Таня и те, кто построил коттеджи в Южном, то в посёлке Алёны, что в километре от Южного, почти все жители сидели бы без работы, а благодаря таниным и иже с ней деньгам местные жители работают в обслуге в Южном, зарабатывают будь здоров, и счастливы.

Я слушал и старался не перебивать. В такие моменты, когда человека несёт, можно услышать много интересного для следствия. Правда, в тот момент я услышал интересного ноль.

Когда я спросил: “Кто такой Влад?”, и добавил: “В десять минут второго он звонил Алёне, и они пару минут говорили”, то по лицу Тани промчался разрушительный смерч. Таня постарела лет на десять. Когда женщины злятся, то за секунду стареют так, что ощущаешь себя в зоне действия машины времени. А Таня злилась, ещё как! Разве только глазами не метала молнии.

Секунду спустя Таня взяла себя в руки, сказала:

– Вот скотина! Он с ней таки... А мне говорил...

– Вы о ком?

– Это личное.

– Таня, вы меня нанять всё ещё хотите? Если нет, то можете на мои вопросы не отвечать.

– Выкручиваете мне руки? Ладно, пусть так. Влад и Алёна... они... я сейчас приду.

Таня ушла, вернулась через минуту. Принесла конверт. Из конверта вынула пачку снимков, протянула мне со словами: “Вот, возьмите эти фото. Здесь всё видно и всё ясно”.

На снимках влюблённая парочка целовалась что есть мочи то прямо среди уличного кафе, то в красном джипе. В той, которую целовал высокий блондин, я узнал служанку Тани Алёну. Когда я рассматривал высокого блондина, то отметил, что парню повезло уродиться с той внешностью, от которой девчонки сходят с ума.

Я ткнул взглядом в снимок, спросил:

– Это Влад?

– Да. Как видите, они смотрятся неплохо. Особенно в поцелуе. Особенно если учесть, что Влад – мой любовник.

– Откуда у вас этот снимок?

– Наняла частного детектива.

– Поэтому вы решили, что Алёна рискованная? Потому, что встречалась с вашим любовником?

– Угадали. Согласитесь, она рисковала. Я могла её уволить. Такую зарплату, которую платила ей я, она нашла бы вряд ли. А если бы я рассказала о её выходке подругам, то её на работу не взяла бы ни одна дура. Во всяком случае, в нашем посёлке – точно.

– Влада подозревали давно?

– Даже не предполагала. Проверяла на всякий случай Алёну. Наняла частного детектива проверить, с кем Алёна общается, ведь она только-только ко мне устроилась. Вдруг она воровка?

– И как результаты проверки?

– Со слов детектива бояться нечего. Нормальная, с подозрительными не встречается. Только с Владом.

– О том, что вы их застукали, Влад и Алёна в курсе?

– Да. Владу я снимки показала. Алёне ничего не сказала, но дала понять, что я в курсе.

– Почему Алёну не уволили?

– Чтоб была рядом. Когда она здесь, тогда она не с Владом. Теперь, когда Влад приходит ко мне надолго, Алёна получает выходной. Получала... Я думала, что если они будут встречаться реже, то и забудут друг друга быстрее.

– Хитро.

– Надёжно.

– Алёна уволиться из-за этого не хотела?

– Не знаю. Вряд ли. Что ей даст Влад? Красивые слова плюс секс. Жениться бы не стал, содержать тоже. Ему бы только гульнуть. А я Алёне платила хорошо. У Алёны зарплата была такая, что Владу тут ловить нечего. Мда... Наверное, про Влада и Алёну я рассказала зря. Теперь у меня появился ещё один мотив.

– Ещё один? А где первый?

– Ян, не делайте из меня дурочку. На руке Алёны мой браслет, рядом лежат мои деньги. Могут подумать, что я её убила за то, что она меня обокрала. Потому я вас и вызвала. Но я её не убивала. А теперь ещё подумают, что я могла её убить из-за Влада...

– Если вы не виноваты, то чего вам бояться?

– А я и не боюсь. Нет, соврала. Боюсь. Ведь если оправдаться я не смогу...

– Сможете. Если не виноваты, то сможете. Я помогу. Давайте-ка я возьму у вас отпечатки пальцев.

– Пачкать мне пальцы? Я видела в кино, как...

Договорить Тане я не дал, сказал, что с недавних пор пачкать пальцы необходимость отпала. По крайней мере, у тех, кто шагает в ногу со временем, у меня в том числе. Я рассказал Тане о системе “Дакто”, на которую перешёл и радуюсь жизни.

Я рассказал, что “Дакто” – система новая, экспериментальная. На вооружение милицией “Дакто” пока не принята, а зря. Система удобна до немогу. Выдал следователю волшебный фонарик и мобильник с фотокамерой, записал на мобильник программу “Дакто”, и готово.

Программа “Дакто” бесплатна, лежит на сайте производителя в открытом доступе. Покупать надо только волшебный фонарик, что продаётся на том же сайте. На фонариках и зарабатывают. Лампочка в фонарике не простая, светит в каком-то особом спектре, в котором отпечатки начинают светиться как защитные ворсинки на купюрах в лучах ультрафиолета. Так же светятся не только отпечатки пальцев на предметах, но и папиллярные узоры на пальцах как трупа, так и человека живого.

Подсвеченные отпечатки на стакане и папиллярные узоры на пучках Васи Пупкина фотографируешь, скамливаешь снимки программе “Дакто”, та в секунду снимки сравнивает, и говорит, что пальчики на стакане оставил Вася Пупкин или дядька Некто.

“Дакто” может с мобильного выйти в интернет, соединиться с открытой дактотекой, и поискать пальчики дядьки Некто в дактотеке, если они там есть. Вот если бы “Дакто” ещё умела соединиться с дактотекой милицейской, и при этом не просила у меня как у следователя не казённого пароль для доступа... Мечтать, как говорится, не вредно.

Ликбез Таню успокоил. Таня протянула ко мне руки ладонями вверх, сказала: “Ну, если после этого отмывать пальцы два часа не придётся...”. Я посветил волшебным фонариком на ладони Тани, щёлкнул на камеру мобильного подсвеченные папиллярные узоры. Затем ту же процедуру проделал с руками Алёны.

Когда управился с людьми, то принялся за бутылку, что лежала рядом с Алёной и выставила напоказ этикетку, на которой темнело пятно подсохшей крови.

Я подсветил волшебным фонариком бутылку, рассмотрел на стекле отпечатки. На бутылке отпечатки расположились так, словно дядька Некто бутылку брал в руку, чтобы рассмотреть этикетку или налить вина в рюмку, да передумал, и ударил бутылкой Алёну по затылку. Как этикетку рассматривал, так той стороной бутылки, где этикетка, и стукнул, потому как кровь я нашёл только на этикетке.

После бутылки я на всякий пожарный снял отпечатки с таниного браслета, что красовался на запястье Алёны. Я не забыл осветить волшебным фонариком да щёлкнуть на камеру мобильного и пачку долларов, которую Алена держала в левой руке. Напоследок я снял отпечатки с алёниной мобилки.

На закуску я оставил перчатки для мытья посуды, которые Алёна держала в правой руке. На перчатках я надеялся найти как отпечатки того, кто перчатки на руки натягивал, так и отпечатки пальцев самих перчаток.

Я надеялся, что на пальцах перчаток в микротрещинах резины останутся микроскопические следы жира, которые остаются после первого же мытья посуды, как ни выдраивай перчатки с моющим средством. Вот эти-то следы жира в лучах волшебного фонарика из комплекта системы “Дакто” и светятся, по ним-то и можно вычислить, за что бралась рука в перчатке, будь то ручка сейфа или тарелка.

Если перчатки взять из магазина, ни разу не использованные, только-только из упаковки, то жира на них не найдёшь, и отпечатков не снимешь. Но те перчатки, что держала Алёна в левой руке, выглядели как далеко не новые, как те, которые вот-вот надо заменить, потому как с минуты на минуту порвутся.

Я подсветил волшебным фонариком и снял на камеру мобильного поверхность перчаток от кончиков пальцев до самого верхнего среза резины.

После фотосессии я скормил снимки всех отпечатков программе “Дакто”. Через минуту получил ответ.

“Дакто” сообщила, что на пачке долларов и на браслете поверх отпечатков пальцев Тани светились отпечатки Алёны. Я указал “Дакто” отпечатки Алёны на снимках выделить оранжевым, чтобы рассмотреть положение пальцев Алёны на снимках отснятых предметов.

На браслете отпечатки Алёны расположились так, словно Алёна браслет надевала, а не забавы ради вертела на пальце словно обруч, что вертят на толстом брюхе в надежде получить осиную талию. На пачке долларов расположение отпечатков говорило о том, что пачку Алёна в руке таки хоть раз, но держала.

С другой стороны, те же отпечатки Алёны поверх отпечатков Тани могли говорить и о том, что пачку баксов вложили Алёне в руку, да ладонь Алёны с пачкой сжали, чтобы создавалось впечатление, что последней пачку держала Алёна. Надеть браслет на запястье Алёны да приложить к браслету пальцы Алёны тоже могли после смерти Алёны. Такие фокусы проходят на первых уроках криминалистики.

Зато на мобилке Алёны нашлись отпечатки только Алёны. Правда, пальчики Алёны на мобилке для меня ценности не представляли. Кто угодно мог пользоваться мобилкой Алёны, будучи в перчатках, и следов не оставить.

На перчатках для мытья посуды я тоже нашёл отпечатки только Алёны.

Единственное, на чём “Дакто” отпечатков Алёны не нашла – это бутылка с кровью на этикетке. На бутылке светились отпечатки трёх человек, но танины оказались поверх всех и более свежими.

Я попросил программу “Дакто” связаться по инету с открытой дактотекой, да поискать, кому принадлежат отпечатки, что нашлись под отпечатками Тани. Через минуту “Дакто” сообщила, что в открытой дактотеке искомым пальчиков не нашлось.

“Дакто” предложила занести искомые отпечатки в дактотеку, чтобы будущим искателям было что предложить. Я дал “Дакто” добро, в сопроводилке к отпечаткам написал: “Найдены на бутылке. Бутылка найдена возле трупа. Бутылка с кровью на этикетке. Снимок бутылки и расположение отпечатков на бутылке прилагается”. Я указал “Дакто”, чтобы прикрепила к отпечаткам снимок бутылки, нажал кнопку “ОК”.

Затем я спросил:

– Таня, откуда на бутылке ваши отпечатки?

Таня чуть не упала.

– Что?! Что вы сказали? На бутылке – мои отпечатки? Как такое может быть? Боже мой!

Значит я...

– Спокойно! Кто бутылку покупал? Вы?

– Уфф! Я и забыла, что бутылку-то покупала я! Я сперва подумала, что раз на бутылке мои отпечатки, то на меня и подумают. Но теперь всё в порядке. Ведь откуда на бутылке мои отпечатки, я могу объяснить.

– Как бы вы ни объяснили, а ваши отпечатки на бутылке поверх всех. Так что успокаиваться вам рано. Не пугаю. Предупреждаю. Значит, бутылку покупали вы?

– Успокоитель из вас неважный. Да, покупала я. Вчера. Мы с Владом хотели сегодня встретиться, отпраздновать день Петра и Февронии.

На мою просьбу вкратце разъяснить, что за зверь этот праздник, Таня отвечала двумя словами минут пять. Мол, забугорный День Святого Валентина надоел, захотелось своего, русского. Праздник, похожий по смыслу, пусть и не совсем, у нас только восьмого июля, когда народ празднует День Петра и Февронии, или День семьи, любви и верности. Под конец сеанса ликбеза Таня сообщила, что символ праздника – белая ромашка.

От ликбеза Таня без передыху перешла к бутылке. Со слов Тани, по случаю праздника Таня с Владом решили распить бутылочку винца. Купили накануне. Выбирала Таня. Обычно выбирает Влад, но накануне выбирала Таня. Влад сказал, что в этот день доверится вкусу Тани.

В ходе повествования Таня сказала: “Надо ж было так вляпаться! Единственный раз выбрала сама, и этой бутылкой убили!”. Я сказал: “Вот такой он невеселый, Закон Бутерброда”, спросил, куда бутылку поставили после того, как привезли из магазина. Таня указала на столик, что стоял у стены в холле, в метре от места, где лежала Алёна.

Таня сказала, что когда с Владом приехали из магазина домой, Влад попросил Таню без него из той бутылочки не пить: мол, Влад приедет, бутылочку откупорит, и всё будет красиво. Таня поставила бутылку на столике в холле, сказала Владу, чтобы непременно, как только Влад назавтра зашёл, так сразу за праздник святых Петра и Февронии и выпили, прямо в холле, позаграничному.

Под конец Таня выразила сожаление, что не купила бутылку раньше, хотя бы дня за три-четыре. Тогда бы на бутылке успела осесть пыль, и поверх таниных на бутылке оказались бы отпечатки Алёны, ведь Алёна должна была вытереть с бутылки пыль, а значит, наверняка бы взяла бутылку в руки.

Я Таню выслушал, сказал:

– Таня, давайте представим, что вы не дура.

– Спасибо.

– Не за что. Если вы не дура, и если Алёну убили вы, то вряд ли бы оставили рядом с трупом бутылку со своими отпечатками. Вот вам и первая ваша отмазка.

– Это не отмазка, Ян, это так и есть. Я сериалы смотрю. Я бы отпечатки стёрла. Но я не убивала. Кстати, как же убийца не оставил свои отпечатки поверх моих?

– Вы же сказали, что сериалы смотрите. Убийца мог быть в перчатках. Только не в тех, что у Алёны в правой руке. Убийца мог купить одноразовые перчатки в аптеке.

– Почему он не мог надеть те, что у Алёны в руке?

– Потому что на бутылке отпечатков тех перчаток нет, а те перчатки не оставить отпечатков не могли, потому как старые и со следами жира на пальцах. Значит, убийца был в перчатках новых.

– Мы говорим об убийце как о постороннем. Вы наконец-то поняли, что убийца не я?

– Нет. Пока всё указывает на вас. Отпечатки с бутылки вы могли не стереть специально.

– Зачем?

– Чтобы сказать, что вы ж не дура оставлять рядом с трупом орудие убийства со своими отпечатками, а значит, убийца был в перчатках, но так получилось, что на бутылке ваши отпечатки оказались поверх всех. Но этой песне в обед сто лет. На такое уже не покупаются.

– Ян, вас слушать страшно. Вы мне ищите не оправдания, а обвинения.

– Я смотрю на факты. Искать вам оправдания будет ваш адвокат. И я ему не завидую. Как он, бедняга, докажет, что код вашего сейфа Алёна узнала не от вас, если вы код не говорили никому... Ведь не говорили?

– Нет. Для меня это тоже загадка. Может, Алёна – спец по вскрытию сейфов?

– Спросите у следователя. А то он смеётся редко.

– И как же она узнала код?

– Сейчас посмотрим. Если вы везучая, то на мобилке Алёны мы найдём вам отмазку вторую.

Таня улыбнулась в стиле “Я в вас таки не ошиблась!”. Я ответил улыбкой “Не говори гоп...” – и присел рядом с мобилкой Алёны.

*

*

В последнее время злодеи повадились записывать пароли доступа к операционкам нужных компов на камеры мобильников. Я подумал: чем чёрт не шутит, ведь Алёна могла записать код сейфа Тани на камеру мобилки, и на моё сыщицкое счастье видеофайл с записью кода не стёрла с мобилки сразу после того, как код сейфа заучила.

Когда я влез в память алёниной мобилки, и таки нашёл видеофайл, и тот файл проиграл, то чуть не заплясал, даром что сидел рядом с трупом.

Я таки угадал. Мобилка Алёны хранила в памяти видеофайл с кодом таниного сейфа. На видеозаписи Таня открывала сейф. Диск, что отпирает замок сейфа, цифры на диске, последовательность поворотов диска влево-вправо – всё это различалось на записи без проблем, если изображение приблизить.

Файл с записью кода таниного сейфа я по блютусу скопировал с мобилки Алёны на мобильник мой.

Пока я возился с мобилкой Алёны, Таня смотрела на Алёну и бормотала на тему: “Господи! За что мне этот геморрой?!”.

Затем я услышал над головой танино нетерпеливое: “Ну, что нашли?”. Вместо ответа я спросил:

– Код вашего сейфа “шесть-четыре-два-девять”?

– Но... Откуда вы знаете?

– Нашёл на мобилке Алёны видеозапись. Похоже, мобилка Алёны стояла напротив сейфа, чтобы в объектив попал диск сейфа. Когда вы набирали код, камера записала.

– Так просто?

– Да. Вот только зачем запись кода Алёна потащила с собой на дело? Не могла код запомнить? Ведь всего-то четыре цифры.

– Она забывчивая. Я ей по сто раз повторяла одно и то же, но она забывала. Может, побоялась код сейфа забыть, и взяла запись с собой. Всё-таки в какую сторону ручку крутить, сколько оборотов... это на бумажке пока прочтёшь – запаришься. С мобильником проще:

запись просмотрела, поставила на паузу, прокрутила ручку сейфа, просмотрела запись снова, и так до победы.

– Как вы всё красиво расписали!

– Вы с мобилкой закончили?

– Ещё минутку.

Я заглянул в свойства видеофайла с кодом сейфа. Нашёл время создания записи: воскресенье, пятое июля, девять вечера. Другими словами, код таниного сейфа перестал быть секретом для вора за три дня до смерти Алёны.

Кроме даты создания, в свойствах файла я нашёл и дату последнего редактирования: на следующий день после записи, в понедельник, шестого июля, в полдень.

Затем я нашёл инфу куда более интересную: дату появления файла на мобилке Алёны. Файл появился на мобилке Алёны в среду, восьмого июля, в пять минут второго.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: файл с кодом сейфа сначала записан на видеокамеру, затем отредактирован, и только затем скопирован на мобилку Алёны. Причём скопирован в то время, когда Таню приковали к унитазу тепличные огурцы. Через восемь минут Таня из туалета выйдет и найдёт труп Алёны в компании с украденным у Тани добром.

Я подкинул мозгам работёнку: ответить на парочку вопросов. Почему Алёна переписала код сейфа с камеры на мобилку всего за пару-тройку минут до того, как обчистить танин сейф? Почему не подготовилась раньше? Алёна готовилась к краже впопыхах?

Мозги ответили через секунду: мол, у Алёны в порядке вещей всё делать в последний момент. Ответ меня не устроил.

Я спросил Таню:

– Привычка делать важные дела в последний момент у Алёны была?

– Нет. Во всяком случае, я такого не замечала.

– Тогда, может, замечали у Алёны видеокамеру?

– Да. Появилась недавно. Снимала на ту камеру всё подряд, каждый божий день. Я ей даже запретила с камерой выходить на работу. Вместо того, чтобы работать, она снимает. Снимала и сегодня, правда, до работы.

– Камера где?

– Наверное в домике Алёны. Вас туда отвести?

– Позже. Сначала отведите меня к сейфу.

Таня провела меня в спальню, подвела к картине, что висела у изголовья кровати. Не успел я раскрыть рта, чтобы сказать: “Без перчаток не трогать!”, как Таня ухватила картину за раму и потянула на себя. Картина крепилась к стене на петлях, потому откинулась словно дверца шкафа. За картиной прятался врезанный в стену сейф.

Таня спросила, открывать ли сейф. Я сказал, что мне хватило и того, что Таня могла затереть отпечатки Алёны на раме картины. Я добавил, чтобы после такой глупости Таня не удивлялась, если следователь, когда на картине найдёт отпечатки только Тани, усомнится в том, что сейф обчистила Алёна. Вдогонку я выразил надежду, что после того как нашла труп Алёны, Таня в сейф не заглядывала, чтобы проверить, пропало ли из сейфа что-либо ещё кроме браслета и пачки долларов. Если Таня в сейф таки заглядывала, то на наборном диске сейфа остались отпечатки Тани, а не Алёны. Коли так, то мне останется лишь умыть руки и пожелать Тане приятной дороги на Колыму.

Моя речь тронула Таню до корней волос, потому как волосы на таниных руках встали дыбом. С лёгким заиканием Таня сказала, что в сейф не заглядывала. Когда говорила, я думал, упадёт в обморок. Обошлось.

Я осмотрел спальню, остановил взгляд на массивном комод, что стоял напротив сейфа, у противоположной стены. Дребедени и побрякушек на комод стояло столько, что проще перечислить то, чего на комод не стояло. На комод не стояло видеокамеры. А если бы камера на

комоде и стояла, то из-за маскировочной смеси из мягких игрушек в рост годовалого ребёнка, статуэток и фоторамок, я бы не заметил не то что камеру – съёмочную группу. В таком месиве камере самое место.

Мало того, что на комодке камеру смог бы заметить лишь вождь Зоркий Глаз, так ещё и другого места, откуда можно было снять на камеру, как Таня открывает сейф, и при этом наборный диск сейфа от объектива Таня не закрыла бы своим немаленьким телом, я не нашёл.

С помощью волшебного фонарика и программы “Дакто” я снял отпечатки с наборного диска сейфа и с рамы картины. Отпечатков Алёны ни на сейфе, ни на раме не нашлось. Зато отпечатки Тани искать и не пришлось – как на сейфе, так и на раме таниных пальчиков громоздилось хоть отбавляй. Правда, самыми свежими и поверх большинства таниных оказались отпечатки перчаток для мытья посуды, что Алёна держала в правой руке.

Как каждый нормальный сыщик я сделал вывод: дядька Некто – а скорее всего тётка Алёна – открывал сейф Тани последним, причём открывал в перчатках для мытья посуды. С абсолютной уверенностью навесить очистку таниного сейфа ни на Алёну, ни на Таню я не смог.

Когда управился с сейфом, я попросил Таню отвести меня в домик Алёны.

По пути Таня рассказала, что Алёна жила в домике для прислуги, рядом с домом Тани. Родной дом Алёны недалеко, в посёлке, что в километре от Южного. От посёлка до дома Тани идти не сутки и даже не час, но Таня решила, что чем Алёна каждый день будет тратить время на дорогу туда-сюда, то пусть лучше живёт в домике во дворе Тани, ведь так таниному хозяйству Алёна сможет уделять времени больше.

Кроме того, Алёна и сама в отчий дом не рвалась, только ходила в гости раз в неделю, предпочитала жить в танином домике для прислуги. Всё же комфорт, евроремонт. В родном доме Алёны до ветру надо ходить в дворовой туалет, и это только цветочки, а Алёна была чисто плотная до него. Как Алёна могла жить “в тех ужасных условиях, в той антисанитарии”, Таня не понимала.

Перед тем как войти в домик Алёны, я обратил внимание на темень, что сгустилась посреди солнечного дня. Я посмотрел на небо. Лучше бы не смотрел. Над посёлком Южный нависла тяжеленная свинцовая туча. Я подумал, что как раз дождя следствию и не хватало, особенно той части следствия, что отводится на работу по горячим – да хоть и по остывшим – следам при помощи поисковой собаки.

Домик Алёны хоромами я бы не назвал. Две комнатки, кухонька, санузел и коридор уложились не больше чем в сорок квадратов. С другой стороны, для жизни вполне хватало.

Осмотр домика занял десять минут. Пока я ходил-бродил по домику да снимал на камеру мобильного всё, до чего дотягивался взглядом, Таня стояла в спальне и листала фотоальбом. Заглянул в фотоальбом и я. Со снимков на зрителя смотрела полная жизни весёлая девчонка Алёна.

Фотографировалась Алёна почти всегда при умелом макияже и облегающей шикарную фигуру одежде. Только перед фотосессиями в доме и во дворе Тани Алёна макияжем не пользовалась, а вместо привлекающей одежды на Алёне красовалась набившая оскомину спецовка служанки – строгое тёмное платье, застёгнутое под горло, белый кружевной воротник и белый передник. Но и в спецовке служанки и без макияжа Алёна смотрелась как кинозвезда, пусть и не накрашенная.

Когда я листал фотоальбом, Таня спросила: “Вы перчатки когда-нибудь снимаете?”. Я кивнул.

Четыре страницы фотоальбома я снял на камеру мобильного, чтобы иметь снимки Алёны не только мёртвой. Вдруг придётся кому-нибудь показать фото Алёны для опознания, так всё же лучше показывать снимки человека живого.

После фотоальбома я занялся видеокамерой, что лежала прямо посреди стола, рядом с ноутбуком.

На боку камеры я прочёл, что камеру модели “Т-34” произвела китайская фирма “Кошкин”.

На диске камеры я нашёл единственный файл. Когда я файл запустил, то на дисплее камеры увидел то же кино, что видел на мобилке Алёны: на записи Таня открывала сейф.

Файл на камере, в отличие от файла на мобилке, в своих свойствах не имел даты копирования. Файл на камере имел только дату создания и дату последнего редактирования. То есть файл не скопирован на диск камеры извне, иначе куда подевалась дата копирования? Другими словами, файл создавался и редактировался на той камере, что я держал в руках. Или, русским языком, код сейфа записала камера Алёны, а не дядьки Некто.

В качестве шпионской снасти камера Алёны подходила лучше некуда: миниатюрная, серая, яркими наклейками в глаза не бросалась. А уж на комод Тани, заваленном хламом до потолка, камеру Алёны мог бы заметить лишь тот, кто камеру устанавливал. Что шпиону для счастья надо ещё?

По содержанию, по датам создания и последнего редактирования файл на камере от файла на мобилке Алёны не отличался. Я решил, что файл на камере и есть тот файл, который Алёна скопировала на мобилку перед тем как идти на дело.

Я задался вопросом: почему файл с записью кода сейфа Алёна редактировала? Ведь наличие в свойствах файла даты последнего редактирования говорило о том, что файл изменяли. До этого додумался бы и недалёкий.

То, что Алёна – ни на кого другого я в тот момент подумать не мог – начало и конец записи таки обрезала, тот же недалёкий понял бы даже и в том случае, если бы даты последнего изменения в свойствах файла не нашёл. Иначе как получилось, что на записи только тот момент, когда Таня сейф открывала? Где кадры, на которых Таня к сейфу подходила? Где кадры, на которых Таня сейф закрывала? Без этих кадров получалось, что Алёна стояла рядом с Таней и записывала код сейфа, а это походило на бред.

Ни к селу ни к городу я подумал, что Алёна обрезала запись прямо на камере, потому как если бы обрезала в программе-редакторе видеофайлов на компьютере, то в свойствах файла я бы нашёл дату копирования файла с диска компьютера на диск камеры.

Вопрос “Зачем Алёна обрезала файл?” принялся сверлить мне мозги. На ум пришло, что Алёна хотела скрыть какой-нибудь компромат наподобие отражения в зеркале или полировке мебели, где было видно, что камеру на комод устанавливала именно Алёна.

Я только-только начал рожать очередную кучу версий, как уже через секунду мне захотелось шлёпнуть себя по лбу и сказать: “Ты бестолочь, Ян!”, потому как объяснение обрезанной записи нашлось, и выглядело оно до смешного простым: на записи кроме кода сейфа могла быть многочасовая мёртвая картинка.

Таня могла в спальню не заходить весь день, а только около девяти вечера вошла да перед сном заглянула в сейф. Алёна должна была оставлять камеру в спальне Тани на много часов, надеясь на авось, на то, что рано или поздно Таня сейф таки откроет. Алёна работала как тот рыбак, что забрасывает донку и ждёт, надеется, что клюнет. Рыбак может просидеть возле колокольчика весь день, и не увидит ни одной поклёвки. Клюнет аж под вечер. В итоге весь день просижен вхолостую ради одной-единственной рыбёшки.

Потому Алёна на следующий день и обрезала холостую запись до самого интересного: кода сейфа. Зачем хранить на камере многочасовой файл со статичной картинкой? Кроме того, огромный файл в память мобилки влезет вряд ли. Куда проще обрезать файл до нужного фрагмента, и дело с концом.

Я решил снять с алёниной камеры копию жёсткого диска, потому как Юсуп наверняка захотел бы камеру с записью кода таниного сейфа изъять в качестве вещдока, и тогда доступ к диску камеры я бы смог получить не когда захочу я, а когда мне сможет уделить время Юсуп.

Заодно я решил снять копию диска и с алёниного ноутбука. На ноуте всегда можно найти что-нибудь интересное, говорящее о хозяине ноута куда больше, чем хозяин рассказывал посторонним. Всё-таки правило “Покажи мне свой диск, и я скажу тебе, кто ты” ещё не отменили.

Я сказал Тане, что мне надо смотаться к машине за ноутбуком. Таня моим словам обрадовалась так, словно я Тане пообещал подарить золотую диадему весом в полкило. Миг спустя Таня причину радости пояснила: “Пока вы ходите за ноутбуком, я сбегая в туалет. Эти буржуйские тепличные огурцы...”. Затем Таня убежала. Я потопал к моему джипчику, что ждал меня на улице, за воротами.

Когда я вынул из бардачка ноут, припустил дождик. Я сунул ноут в чехол, вернулся к домику Алёны бегом. Когда открывал дверь домика, дождик превратился в ливень под названием “Стена воды”. Я подумал, что Юсуп прокатит собачку с кинологом зря. После ливня какие следы?

Я подстегнул с моего ноутбука камеру и ноут Алёны, запустил посекторное копирование дисков ноута и камеры.

Пока содержимое дисков алёниных девайсов копировалось на мой ноут, я отгонял глупые мысли и дебилские версии, что лезли скопом в мои россыпи опилок, которые у других называются серым веществом. Умные мысли в голову не лезли.

Таня вернулась аккуратно к концу процедуры копирования. Причём вернулась без зонта и сухая как лист. Я глянул в окно. Ливень закончился. Я подумал, что Тане везёт как невезучему: если Таня Алёну не убивала, и убийца во дворе Тани таки наследил, то оставался шанс, что поисковая собака могла бы Тане оказать неоценимую услугу. Но после ливня ждать, что собака возьмёт след – всё равно что надеяться на чудо.

Таня с порога выпалила:

– Ян, я там сидела... И подумала: наверное, с Алёной был сообщник! Как его там правильно – подельник, да? Он стоял в холле на шухере, – это ж называется так? – а потом, когда уже стырила мой браслет и деньги, Алёна к нему пришла, а потом они что-то не поделили, и он её стукнул...

– ... и оставил всю добычу Алёне, а сам убежал?

– Может, забрать не успел? Может, я его спугнула?

– У меня версия другая. Вы вышли из туалета. Алёна в этот момент выходила из вашей спальни. Алёна увидела вас, дала дёру. Вы увидели в руках Алёны пачку денег, вдобавок на руке Алёны сверкнул бриликами ваш браслет. Вы за Алёной погнались, схватили что попало под руку, – а попалась вам бутылка, – и саданули Алёне по затылку.

– Этого не было!

– Будьте уверены, то же скажет и следователь.

– И зачем мне вас нанимать? Вместо того, чтобы меня защищать, вы меня обвиняете!

– Вызовите адвоката.

– Ха! Я похожа на дуру? Вы так всё складно придумываете, что мне кажется, будто вы это не придумываете. Мне кажется, что вы говорите мне эти гадости потому, что с ними сталкивались не раз и не два. Значит, у вас есть опыт. И значит, вы вполне можете допридумываться и до того, как убийцу найти. А так как я знаю точно, что Алёну не убивала, значит, вы рано или поздно убийцу найдёте. Адвокат – как вы меня тут застращали – может мне отмазку и не найти. Потому оправдаться я смогу наверняка только в том случае, если вы найдёте убийцу. Как вам речь?

– Не ожидал.

– Я выгляжу тупее, чем говорю? Вы ещё и мастер комплимента, как я посмотрю. Ладно, проехали. Так чем вы можете меня обрадовать ещё? К чему мне готовиться? Какие версии может мне подкинуть следователь? Можете не стесняться.

Знала бы Таня, чем ей грозило её предложение, промолчала бы. Меня хлебом не корми, дай построить версию. Я могу разгуливать по воображению часами, и все эти часы я буду говорить. Причём скорее у слушателя завянут уши, чем у меня пересохнет в горле.

Я с минуту попересыпал в голове опилки, затем родил парочку версий.

По версии первой Таня попросила у Алёны камеру, записала код сейфа, камеру вернула. Не проверить, что за запись на диске камеры осталась, Алёна не могла. Когда проверила, и увидела код сейфа, то соблазну поддавалась, сунулась в сейф. Тут из-за кустов выпрыгнула Таня, и ну охаживать Алёну бутылкой-то да по затылку.

По версии второй Таня попросила у Алёны камеру, записала код сейфа. Камеру не вернула, сослалась на что угодно, да хоть сказала, что потеряла. Затем Таня обчистила сейф, убила Алёну, подложила деньги и браслет Алёне, переписала код сейфа с камеры на мобилку Алёны.

Версии третьей Таня дожидаться не стала, спросила: “И зачем мне Алёну убивать?”. Я улыбнулся, ответил: “За то, что Алёна украла у вас Влада”. Таня фыркнула.

Танина мобилка затянула песню. Таня помрачнела, сказала: “Лёгко на помине”, сняла трубку, выслушала звонившего, сказала: “Выхожу”.

Когда Таня выключила мобилку и посмотрела на меня, я спросил: “Влад?”. Таня кивнула, направилась к выходу из домика. По пути пробурчала: “Сейчас я ему, любителю служанок, устрою!”. Я сказал, что присутствовать при семейных скандалах не обожаю. Таня остановилась, обернулась, повышенным тоном предложила мне заткнуть уши, и добавила, что в ванной Алёны ватных палочек хватит, чтобы заткнуть уши даже слону. Затем Таня вышла. Хлопнуть дверью не забыла.

Таня прошла мимо окна в направлении ворот. Лицо Тани напоминало маску “Не подходи, загрызу!”. Я Владу не позавидовал.

Я отстёгнул от моего ноута камеру и ноут Алёны, мой ноут сунул в чехол, и уже собрался топтать к выходу, как краем глаза из окна увидел, что Таня открыла калитку, замерла в стойке “руки в боки”. Я счёл разумным, пока гроза в танином семействе не уляжется, на улицу не выходить.

В проёме калитки я увидел полкорпуса красного джипа. Целиком увидеть джип не удалось, потому как танин двор обнесён двухметровым глухим забором. Но и половины корпуса мне хватило, чтобы машину опознать: тот красный джип я видел на снимке, где Влад целовал Алёну.

На разглядывание джипа мне отвели всего миг.

Порог калитки переступил высокий, на голову выше меня, сногсшибательной для женщин красоты блондин – тот, который на снимке целовал Алёну, и кого Таня назвала Владом. В руке у Влада красовался огромный букет из огромных – головки цветов размером с десертную тарелку – белых ромашек. Я вспомнил, что белые ромашки – символ Дня Петра и Февронии, Дня семьи, любви, и верности.

Влад протянул букет Тане. Таня ромашки взяла, развернулась, зашагала к дому. Влад застыл с раскрытым ртом. Посреди двора Таня остановилась, обернулась, с улыбкой сказала: “Я знаю, что ты Алёне звонил”. Сказала так, чтобы услышал Влад. Заодно услышал и я. Затем Таня ушла в дом. Через пару секунд Влад челюсть с пола подобрал, гримасу облитого помоями сменил хорошей миной.

Я решил, что пришло время выходить на сцену и мне.

Я покинул домик Алёны, направился к калитке. Влад упёрся в меня лучезарным взглядом, спросил: “Вы кто?”. Я сказал чистую правду: “Частный сыщик. Ян Янов”. Чтобы Влад не засыпал меня вопросами, я инициативу перехватил, спросил:

– Влад, вы знаете, что здесь произошло?

– Да. Потому и приехал. Таня позвонила и попросила приехать. Сказала, что убили Алёну.

- И вы приехали с цветами?
- Я их купил раньше, до того, как Таня позвонила. Не выбрасывать же! Да и праздник не отменён, так почему бы и не подарить любимой женщине ромашки?
- Тоже верно. Надеюсь, вы не спешите?
- Ну, вообще-то...
- Вам придётся задержаться до приезда следователя.
- А если я не захочу?
- Тогда вас задержу я.
- Ян, вы это серьёзно?
- Проверьте.

Влад посмотрел на меня сверху вниз, отмазался голливудской улыбкой, потопал к дому Тани. Я Влада окликнул, сказал, что было бы лучше, чтобы Влад в дом Тани не заходил, на месте преступления не следил, а следователя ждал либо во дворе, либо в машине.

Влад развернулся, и – судя по свирепой мордашке – собрался мне сказать что-то вроде “А не пошёл бы ты, мил человек...”. На ту беду со стороны дороги донеслось пыхтение, которое любой кто не глухой сходу определил бы как звуки выхлопа “уазиков”. Посылать меня к такой-то матери Влад передумал. Я улыбнулся, сказал: “А вот и следователь”.

*

*

Я вышел со двора, потопал к джипчику. Пока я укладывал ноут в бардачок, к воротам Тани подкатили два “бобика”.

Первым на землю посёлка Южный ступил Юсуп. Вслед за начальством из “бобиков” выгрузилась юсупова команда. Я посмотрел на часы. Юсуп прибыл как и обещал – через час с момента моего звонка. Для Юсупа, заваленного убийствами по самые уши, такая точность сродни паранормальным способностям.

Юсуп осмотрелся, размялся, крикнул, подошёл ко мне. Я протянул руку, сказал: “Привет!”. Юсуп мою руку пожал, сказал: “Я с тобой здоровался по телефону”, спросил, где труп.

Я повёл Юсупа к дому Тани. Юсупова команда зашагала следом. Во дворе я познакомил Юсупа с Владом. Юсуп сказал Владу ждать в машине. Не попросил, а сказал тоном, от которого Влад, как мне показалось, едва не откозырял и не гаркнул: “Есть!”.

Когда подошли к дому, нам навстречу вышла Таня. Представлять Таню мне не пришлось, потому как Таня управилась и без меня. Таня же на правах хозяйки и подвела гостей к трупу Алёны. Юсуп сказал Тане ждать его на кухне.

Затем Юсуп отдал своей команде распоряжения. Криминалисты ухватились за пинцеты да лупы, кинолог принялся умолять собачку взять хоть какой-нибудь след, доктор присел над трупом.

Юсуп меня спросил, что я успел разузнать. Я начал рассказывать.

Через минуту подошёл доктор, спросил, когда, на мой взгляд, умерла Алёна. Я сказал, что примерно в час дня. Доктор похлопал меня по плечу, сказал, что медицина наверняка потеряла во мне толкового судмедэксперта, только доктор на всякий пожарный к моему часу дня добавил бы ефрейторский зазор “плюс-минус четверть часа”.

Доктор добавил, что смертельный удар мог быть нанесён и бейсбольной битой, и той бутылкой, что лежала возле трупа. Причём если убийца бил бутылкой, то не горлышком и не донышком, а боковиной бутылки, той частью, где клеят этикетку. Кровь на этикетке это подтверждает.

Когда доктор откланялся, подошёл кинолог. На лице парня тускло выразилось “Винуват, каюсь...”. Даже собака, и та, казалось, отводила взгляд: мол, уж вы простите, люди добрые, оплошала. Причину собачьей грусти кинолог пояснил тремя словами: “Этот гадский ливень!”.

Затем кинолог расщедрился ещё на парочку слов: “Следы смыло”. Юсуп развёл руками: мол, смыло так смыло.

После того как Юсуп кинолога отпустил, я дорассказал Юсупу, что успел узнать. Под конец моего рассказа Юсуп сделал предварительный вывод: за жабры надо брать Таню. Я возразил: вряд ли Таня настолько дура, что не стёрла с бутылки свои отпечатки. Я спросил, почему бы Юсупу не допустить, что дядька Некто натянул на руки одноразовые перчатки, взял бутылку с таниными отпечатками на стекле, да и ударил бутылкой Алёну.

Юсуп спросил, не буду ли я столь любезен, чтобы к моей бредовой версии присовокупить мотив дядьки Некто. Я мотнул головой. Юсуп спросил, не тормозную ли жидкость, которой залиты мои мозги, я вознамерился взболтнуть, чтобы прояснить помутневший разум. Затем Юсуп сказал, что пока я не найду и не представлю пред ясны очи Юсупа дядьку Некто, Юсуп будет считать виновной Таню. На мои возможные возражения Юсуп сказал: “И баста!”. Насмотрелся фильмов про каморру, теперь где ни попадя втыкает свою “басту”, козыряет безукоризненным итальянским.

Юсуп направился в кухню, к Тане. Меня отпустил.

Я потопал к джипчику. По дороге вспомнил, как Таня говорила, что Алёна “снимала и сегодня, правда, до работы”. Другими словами, Алёна успела поснимать на видеокамеру и с утра. Вот только на диске камеры Алёны я кроме записи кода сейфа не нашёл ни единой записи. Ни последней, утренней, от восьмого июля, ни предпоследними записями даже не пахло. Только запись кода сейфа.

Пару секунд я думал, куда могла подеваться алёнина утренняя запись. Додумался до того, что Алёна наверняка перекинула записи с камеры на ноутбук, а с камеры стёрла, чтобы освободить диск камеры для новых записей, потому как со слов Тани Алёна снимала не без изрядной доли фанатизма, и с алёниной прытью ей не хватило бы и трёх таких дисков, что в камере.

В джипчике я включил ноут, запустил прогу, что позволяет гулять по копии диска чужого как по диску своему. Затем я отправился на прогулку по копии диска алёниного ноута. Гулял я всего несколько секунд. Большого и не надо, чтобы найти стандартную папку “Мои видеозаписи”, где девять из десяти пользователей хранят видеофайлы. На всякий пожарный я запустил поиск видеофайлов по всему алёниному диску, и уже через полминуты поиск отчитался: видеофайлы лежат только в папке “Мои видеозаписи”.

Я влез в “Мои видеозаписи”, пооткрывал файлы, что попались под курсор. Я угадал: с камеры на ноут Алёна видеозаписи таки переносила. Оно и понятно: тот объём файлов, что лежал в папке “Мои видеозаписи”, не влез бы и в пять видеокамер.

Алёна снимала как человек, который камеру купил только-только: снимала всё подряд и подолгу. Со временем, когда диски всех домашних компьютеров переполняются никчёмными записями, человек успокаивается, и начинает снимать только то, что надо, а не всё подряд, как сразу после покупки камеры.

У Алёны болезнь “Я дорвалась до камеры” только началась, потому как забить диск ноута видеозаписями Алёна ещё не успела. Первый видеофайл Алёна записала первого июля. Успеть забить видеозаписями триста двадцать гигабайтов ноутбучного диска всего за неделю оказалось не под силу даже Алёне с её прытью свежеиспечённого любителя видеосъёмки.

Прыть у Алёны была что надо. Записывала Алёна всё, начиная от муравья, что тащил сахаринку, и заканчивая собой, любимой. Себя Алёна снимала в модном ныне стиле видеодневника. Раньше девочки записывали свои тайные желания в розовые блокнотики с кружевными тесёмочками-завязочками, да прятали блокнотики под подушкой. Теперь пишут в видеофайл и выкладывают в инете.

Алёна шла в ногу со временем. Каждый второй файл в папке “Мои видеозаписи” оказался видеозапиской из видеодневника. Наверняка Алёна собиралась прослыть звездой видеоблогов. Зря старалась. Видеошедеврами в стиле “Я несу бред” интернет завален по уши. Вот

если б Алёна в видеозаписках рассказала, как готовилась обчистить танин сейф, то миллионы посетителей своему блогу обеспечила бы без проблем.

Видеозаписки с признанием в подготовке к краже я, само собой, не нашёл. Не наткнулся я и на утреннюю запись от восьмого числа, ради которой и отправился на прогулку по копии диска алёниного ноута.

Выходило, что утренняя запись Алёне не понравилась, и Алёна её удалила. Удалила или сразу с диска камеры, или сначала скинула запись на диск ноута, и только затем решила, что запись ни к чёрту, и её надо удалить.

Я запустил прогу, что восстанавливает удалённые файлы. Прога не волшебная, и восстанавливает файлы при условии, что поверх удалённого файла не успел записаться файл новый, иначе удалённый файл не восстановишь, не поможет ни одна даже супер-пуперная прога-спасалка.

Я понадеялся, что Алёна поверх удалённой утренней видеозаписи записать какой-нибудь файл не успела. Потому я скормил проге-спасалке копию диска алёниного ноута, и раскрыл карман пошире: приготовился к просмотру восстановленного файла.

Результат восстановительных работ меня не обрадовал. На ноуте в числе удалённых видеофайла от восьмого числа я не нашёл. Я подумал, что сыщицкое счастье от меня отвернулось, и поверх утренней записи Алёна таки записала какую-нибудь ерунду, или не перекидывала файл с камеры на ноут вовсе.

Тогда я скормил проге-спасалке копию диска алёниной камеры.

На копии диска камеры не удалось восстановить не только файл, удалённый утром. Удалённых файлов на диске камеры не нашлось ни единого.

Я поскрипел извилинами, подумал, что ведь Алёна записывала, и не раз в год. Неужели не было ни одной короткой записи, которую не перетёр бы файл с записью кода сейфа? Алёна удалила файлы спецпрогой-стиралкой, чтобы без возможности восстановления? Зачем? Какой смысл чистить диск камеры с таким фанатизмом? Разве что на диске мог оказаться компромат... Если даже стёрла спецпрогой-стиралкой, то почему той спецпроги я не нашёл ни на диске камеры, ни на диске ноута? Флэшки с прогой-стиралкой ни в домике Алёны, ни рядом с трупом я не нашёл тоже.

Вопрос с необъяснимой чистотой диска камеры я отложил до лучших времён, авось ответ подскажет господин случай. Что ни говори, а решение многих вопросов зависит от случая, а не от серых клеточек Великого Сыщика.

Я вернулся к записи кода сейфа. Просмотрел файл вдоль и поперёк. Как я ни вглядывался, как ни присматривался, а заметить на записи хоть что-нибудь, что помогло бы следствию, я так и не заметил.

Возню с записью кода сейфа я закончил аккурат к тому моменту, когда к моему джипчику подошёл Юсуп. Я жестом пригласил Юсупа в салон, открыл дверь. Юсуп приглашением не побрезговал.

Минут пять Юсуп рассказывал мне всё то, что я узнал до юсупова приезда, и что поведал Юсупу получасом ранее. Только и того, что Юсуп мой рассказ переложил на свои слова и словечки, да подал в вольном изложении. Да и как могло быть иначе? Не могла же Таня рассказать Юсупу больше чем мне! Кому? Юсупу, с таниных слов, “хитрому менту”?

Нового я узнал лишь то, что соседние с Таней участки пустовали. Танины соседи построили коттеджи ради продажи, потому в новых домах не жили, дабы не портить товарный вид.

Монолог Юсуп завершил выводом: Алёну убила Таня. Протестовать я не стал. Фактов в защиту Тани у меня было меньше, чем мог бы наплакать одноглазый кот.

Я напомнил Юсупу о Владе. Юсуп сказал, что хоть он и заработался, но не настолько, чтобы забыть допросить любовника Алёны.

*

*

Допросы Юсуп обычно проводит без посторонних, я не исключение, но пропустить допрос Влада я не мог. Потому я попросил не отгонять меня палкой, если я буду стоять рядом и молчать в тряпочку, когда Юсуп будет допрашивать Влада. Юсуп со скрипом согласился.

Юсуп высунулся из окна моего джипчика, помахал рукой, свистнул, чтобы привлечь внимание Влада. Тонированное стекло красного джипа опустилось. Влад бровями спросил, чего надо. Юсуп жестом пригласил Влада в мой джипчик. Влад скорчил гримасу под названием “Вообще-то я гордый, на поманить меня пальчиком не ведусь, но так и быть: для вас, ментов, сделаю исключение”.

Когда Влад гордой походкой, аки океанский лайнер, подплыл к моему джипчику, Юсуп перебрался на заднее сидение, пригласил Влада присесть рядом. Влад согнулся в три погибели, и в мой салончик хоть и с трудом, но влез.

Сперва по просьбе Юсупа Влад назвал свой адрес, затем в двух словах рассказал о себе: мол, владеет рекламной фирмой “Лотос”, живёт один, любит Таню.

Юсуп записал слова Влада в протокол, сказал:

– В трубке Алёны последний звонок от Влада.

– Я ей сегодня звонил. Где-то в начале второго.

– Зачем?

– Хотел договориться о встрече на следующей неделе. Я с Алёной... Да ладно, что там скрывать! Всё равно узнаете. Я с Алёной вроде бы как встречался... эээ... типа мы были любовниками.

– Когда вы Алёне сегодня звонили, какой у неё был голос? Что-то странное заметили? Волнение, страх?

– Голос как голос. Как обычно.

– Где вы были с полпервого до полвторого?

– Дома. Писал на дивиди-диски фильмы, которые скачал из городской сетки. В начале второго, минут в десять, звонил Алёне. Наверное, перед тем, как её... Я бы показал вам мой звонок в исходящих, но не получится.

– Почему?

– Я настроил трубку так, чтобы все звонки, связанные с номером Алёны, не запоминались. Чтобы Таня по моей трубке не вычислила, что я с Алёной общался. Я сказал сделать тоже самое и Алёне, но она наверное забыла. Но вы можете проверить у оператора. Вам ведь это легко, я видел в сериалах. Дайте оператору запрос, и узнаете, когда, кому и откуда я звонил.

– Вы писали диски ровно с полпервого до полвторого?

– Нет. Начал с утра. Когда позвонил Алёне, как раз записался последний диск, и я пошёл принять душ. То, что я писал диски, можете проверить тоже.

– Как?

– Можете поискать какие-нибудь служебные файлы на моём компе. Ведь прога, которая пишет дивиди, должна фиксировать, когда была последняя запись. Да и по дискам можно вычислить, когда они записаны.

– Это легко подстроить. Поставил диск на запись, и иди себе куда хочешь.

– Хм... Я ещё звонил оператору где-то без двадцати час. Можете у оператора проверить, откуда я звонил.

– Вот это другой разговор. Две минуты перерыв.

Юсуп посмотрел на меня. Я прочёл во взгляде Юсупа монолог: “Кто его знает, звонил он Алёне или нет. На её трубке его вызов есть, на его мобильнике звонка к Алёне нет. Может, и вправду звонки от Алёны стирает, а может, и химичит. Надо проверить, откуда он звонил. Всё-таки звонил перед самой смертью Алёны. Подозрительно”.

С тем, что “подозрительно”, я согласился. Такие звонки-алиби надо проверять. А то один убитый горем любящий муж уже был. Позвонил жене на мобильник, сказал, чтобы вышла во двор. Та вышла. Муженёк монтировкой женушку-то и стукнул. Когда через пять минут милиция труп жены нашла, муженёк сказал, что когда в последний раз жене звонил, то был на другом конце города. Мол, как он мог жену убить, если её убили через три минуты после его звонка с другого конца города? Когда проверили у оператора, выяснилось, что муженёк звонил из сектора радиусом в сто метров, и в центре того сектора был двор, где муженёк женушку-то на небеса и отправил. Так что алиби “Я жене звонил с Южного Полюса” сострять у муженька не получилось.

Я вышел из машины, набрал номер телефониста. Пока динамик трубки пищал длинными гудками, я подумал, что сыщику частному жить всё же легче чем казённому. Пока Юсуп оформит кучу бумажек, чтобы получить разрешение на проверку номера Влада у оператора, пройдёт полгода. Я же могу у парня, что работает в службе техподдержки оператора, за зелёный червонец узнать всё что надо за пять минут. Законного в этом мало, когда-нибудь попадусь, но и терять время – преступление.

Юсуп, конечно, тоже мог бы купить нужную инфу у того же телефониста. Только если начальство прознает, то Юсупа за такой шопинг не пожурит, а даст по шапке так, что мало не покажется. Я же отделаюсь в худшем случае потерей лицензии.

Когда телефонист проснулся, я заказал проверку всех исходящих с номера Влада и заодно всех входящих, и попросил узнать, куда моталась трубка Влада с утра, не заезжала ли в танин посёлок Южный.

Телефонист перезвонил через минуту, выдал обстоятельный отчёт по заказу. Заодно телефонист сказал, что на весь посёлок Южный приёмо-передающая вышка оператора одна. Другими словами, если я захочу узнать по сигналам мобилки какого-нибудь подозреваемого, как он перемещался по посёлку, то я в пролёте.

Я жестом дал Юсупу понять, что есть о чём поговорить, и Владу наш разговор слышать не обязательно. Юсуп поднял в моём джипчике стёкла, из джипчика выбрался, подошёл ко мне, сказал: “И?”

Я передал Юсупу отчёт телефониста слово в слово. Сказал, что трубка Влада с утра сигнализировала из района дома Влада, если считать, что Влад указал адрес своего проживания, а не адрес места, откуда звонил Алёне. Юсуп сказал, что вряд ли Влад такой дурак, чтобы давать липовый адрес.

Я продолжил. Оператору без двадцати час Влад таки звонил, и звонил из того же района, где мобильник Влада светился с утра. Алёне Влад позвонил в десять минут второго. Разговор длился две минуты. На несколько звонков с номера Тани Влад трубку не снимал. Таня начала звонить в четверть второго и наяривала каждую минуту. Влад снял трубку только на звонок в полвторого.

Без двадцати два трубка из района дома Влада отбыла. Через десять минут трубка Влада сигнализировала уже в районе ресторана “Нептун”. В двадцать минут третьего трубка Влада из района ресторана отчалила. Через двадцать минут трубка светилась уже в посёлке Южный, где и сигнализировала до того момента, как телефонист звонил мне с отчётом.

Пока я говорил, Юсуп черкал карандашом в блокноте. Когда я закончил, Юсуп сказал: “Я тебе должен”. Я отмахнулся. Юсуп пригласил меня в мой джипчик. Я приглашение принял.

В машине Юсуп опустил стёкла, предложил Владу не делать вид, что при закрытых стёклах чуть не задохнулся. Влад качнул головой, усмехнулся. Наверняка про себя Влад сказал: “Менты ведь и в Африке менты, что с них взять?”

Юсуп сказал:

- Влад, на танины звонки вы сняли трубку только в полвторого. Поче...
- Так быстро? Вам судья уже дал разрешение на проверку моего номера?

– Кто вам сказал, что я ваш номер проверял? Я просто гадаю. И спрашиваю вас, ошибся я или нет. Если вы сейчас соврёте, а позже я ваш номер проверю и узнаю, что вы соврали...

– Я понял. Врать мне невыгодно. Я принимал душ. Я знаю, что Таня звонила мне минут пятнадцать. Но я плескался, звонков не слышал, потому что мобильник лежал в комнате. Как только вышел из душа, и услышал звонки – так сразу трубку и снял.

– Как вас угораздило плескаться именно в тот день...

– Я так купаюсь всегда. Купаться я люблю. А сегодня я и вправду купался не как обычно. Сегодня купался дольше и плескался громче.

– С какой такой радости?

– Где-то в двенадцать ко мне пришли с проверкой из горводоканала. Всё думают, что украду у них лишний литр воды. Посоветовали экономить, потому что кризис, и президент страны призывает к тотальной экономии. А я за воду плачу, так что пошли они все со своей экономией... В общем, в отместку я решил поплескаться от души. И поплескался. Слил воды столько, чтобы они на следующей проверке удавились, жлобы.

– Понятно. Отомстю и мстя моя будет страшна. Почему же вы, когда Таня до вас таки дозвонилась, сказала, что Алёну убили, и попросила вас приехать, чтобы вы её морально поддержали...

– Так я и думал, что вы это спросите. Почему я не рванул к Тане сразу после её звонка? А куда мне спешить? Алёну спешкой не вернёшь. Тане спешкой тоже особенно не поможешь. Как бы я ей помог? Успокоил бы своим присутствием? Я что – анальгин?

– Так где вы всё-таки были?

– Привёл себя в порядок после душа. Оделся. Поехал в ресторан “Нептун”. Заказал обед. Подождал, пока приготовят. Пообедал. Я вижу, что вас удивляет, как я мог спокойно обедать, когда Таня попала в такой маргарин. Но ведь я знаю, что вы можете промурыжить меня до вечера, а срывать желудок...

– Терять с вами время до вечера я не собираюсь.

Юсуп протянул Владу протокол допроса, сказал ознакомиться и подписать. Влад повиновался. Юсуп сказал: “Спасибо за помощь”, жестом дал Владу понять, что Влад свободен.

Влад нас покинул, зашагал к воротам Тани.

Юсуп сунул протокол в папку, сказал, что с Владом всё ясно, и что основной подозреваемой осталась Таня.

Через пять минут Юсуп и его команда погрузились на “бобики” и отбыли.

Таня с Владом вышли из ворот аккурат к тому моменту, когда “бобики” отъехали. Таня сказала Владу что-то, чего я не расслышал, и что натянуло на лицо Влада выражение крайнего удивления. Влад развёл руками, словно говоря: “Как скажешь”, сел в машину и укатил. Пускать слезу и махать вслед красному джипу синим платочком Тане, насколько я понял, вовсе не хотелось.

Таня подошла ко мне, попросила, чтобы я объяснил, чем ей всё это грозит. Я попытался уложить угрозы, что светили Тане, в одно слово, сказал: “Сроком”. Таня спросила, сколько я возьму за то, чтобы Таню отмазать. Я сказал, что если за дело взялся Юсуп, то пиши пропало. Отмазки у Юсупа не прокатят. Взятки Юсуп не берёт. Нужны железные доказательства таниной невиновности, с которыми у Тани не сложилось.

Таня вмиг раскисла, сказала, чтобы я не сыпал соль на рану, потому как Юсуп Таню напугал и без меня. Тане показалось, что Юсупу – “я так и думала!” – кровь из носу хочется ни в чём не повинную Таню посадить в тюрьму. Таня добавила, что другой надежды кроме как на меня у Тани нет. Тем более что подруга Тане рассказывала, что я чуть ли не суперсыщик всех времён и народов. Напоследок Таня сказала, что и жилетки, в которую поплакаться, у Тани больше нет, потому я как джентльмен должен остаться и Тане помочь.

Я спросил, куда поехал Влад, ведь Тане в качестве жилетки Влад меня ближе. Таня сказала, что послала Влада подальше. По крайней мере на несколько дней, пока не поймёт, сможет ли простить Владу встречи с Алёной, Таня отправила Влада в отпуск.

Я решил остаться и Тане помочь. Не задаром, само собой. Когда дело заходит о зарплате, джентльмена во мне ищут только наивные.

*

*

Таня провела меня в дом, усадила на кухне, предложила кофе. Я попросил зелёного несладкого чаю.

Пока Таня возилась у плиты и ворчала на тему “Как всё-таки хорошо иметь прислугу”, я выудил из папки два пустых бланка договора о моём найме, заполнил, подписал.

Когда Таня подала себе кофе, а мне чай, я попросил Таню ознакомиться с договором, заплатить по преёскуранту и оставить автограф.

Таня читала двустраничный, мелким шрифтом набранный договор секунды три. Подписала, считай, не глядя. Даже не спросила – как спрашивают почти все – почему надо заключать договор, и почему я не работаю мимо налоговой. Потому мне – редкий случай – не пришлось объяснять, что мне куда проще платить налоги и спать спокойно.

Деньги Таня принесла сразу после того, как подписала договор. Я деньги пересчитал, сунул в карман, одну копию договора протянул Тане, другую уложил в папку. Таня повертела копию договора в руке, задранными под чёлку бровями выказала удивление, сказала: “Вообще-то я вам доверяю. Эта бумажка мне не нужна”. Я сказал, что доверять посторонним – привычка опасная. Таня пожала плечами, отложила договор в сторону.

С минуту мы кофейничали-чаёвничали в тишине. Я рассматривал танину кухню, Таня смотрела в окно.

Затем Таня прослезилась, сказала, что если я убийцу Алёны не найду, то Таня сядет ни за что, потому как Алёну не убивала.

Я решил допустить, что Таня таки невиновна. Осталось всего ничего: найти мотив убийцы. Не успел я подкинуть мозгам простенькую задачку всего с одним неизвестным – мотивом убийцы, – как мозги зависли похлеще операционки, нашпигованной вирусами.

Зато до меня дошло другое. До меня всегда “доходит”. Иных посещает муза, кто-то додумывается, а до меня нетупые мысли доходят, причём зачастую как до жирафа – через сто лет после того, как должны были бы дойти до человека нормального.

До меня дошла мысль: “Почему Алёна не побоялась, что Таня её поймает на горячем?”. Я уже начал было плясать и прославлять мою сообразительность, когда вспомнил, что такой вопрос уже задавала Таня. Тем не менее я решил, что озвучить вопрос будет не лишним.

Я спросил:

– Как Алёна, когда открывала сейф, не побоялась нарваться на вас? Откуда знала, на сколько вы в туалете задержитесь?

– Ума не приложу.

– Я тоже. Потому могу допустить, что сейф открыли вы. Алёну убили, а затем открыли сейф и положили якобы украденное рядом с трупом.

– Бред!

– Версия вполне сносная. Удивляюсь, как Юсуп до неё ещё не додумался. Я ему подскажу.

– Не вздумайте!

– Таня, я буду делать всё, что считаю нужным. Не нравится – рвите договор и денежки свои забирайте.

– Хм... Ладно. Я-то знаю, что Алёну не убивала, потому можете сочинять, сколько хотите. Но если вы будете только сочинять, то когда будете ловить убийцу?

– Научусь сочинять пореже. И всё же лезть в сейф и притом знать, что вы можете войти в спальню в любой момент – это риск. Но если Алёна знала ваш распорядок дня...

– Планировать день? Нет, это не по мне.

– Вы пишете картины, играете на рояле...

– Придумайте что-нибудь попроще.

– Поёте под караоке, качаетесь на тренажёре...

– Я похожа на этих дур с мышцами? Обижаете.

– Должны же вы делать что-нибудь регулярно и вдали от сейфа! Сериалы по телевизору смотрите?

– В точку! Телек я люблю. Меня от телека не оторвёшь. Я запасаюсь орешками, и... сижу в кинозале, а оттуда ничего не слышно. Там хорошая звукоизоляция.

– Сегодня что-нибудь по телеку смотрели?

– Да. Утром, в десять, шла передача про модные шмотки. Думаете, Алёна в мой сейф влезла тогда?

– Почему нет? Если вас от телека не оторвёшь...

– Врачи говорят, что долго сидеть-лежать перед телевизором вредно. На рекламе хожу по лестнице. Со второго этажа спускаюсь на первый, затем поднимаюсь обратно. И так каждые пятнадцать минут.

– Кинозал от спальни далеко?

– Рядом. Дверь напротив. Пойдём, покажу.

Таня одним глотком допила кофе, встала, направилась к выходу из кухни. Я потопал следом.

Когда проходили холл, подумалось: даже если Алёна и обчистила танин сейф в десять утра, пока Таня сидела в кинозале, то почему заявилась в танин холл с ворованным браслетом на руке в час дня? Это ж какой надо быть дурой!

Пока поднимались по лестнице, я обратил внимание, что с лестницы танин холл виден как на ладони.

Таня подвела меня к двери, что напротив двери в спальню. Между дверями только двухметровый коридор. Я подумал, что Алёна таки рисковая. А ну как Таня вышла бы из кинозала в момент, когда Алёна выходила из спальни с добычей? Нос к носу столкнуться с хозяйкой, притом знать, что секунду назад обчистила сейф... Какие же крепкие надо иметь нервы!

Затем я подумал, что даже если кинозал со спальней рядом, то Алёна могла нарваться на Таню только в момент, когда Таня на рекламе выходит из кинозала размяться. Не знать о таниной разминке в рекламных паузах Алёна не могла. Между рекламными блоками десять-пятнадцать минут. За шестьсот секунд можно обчистить не только сейф Тани, но и сейф приходной кассы вместе с карманами посетителей, и ещё с пяток минут останется на “вовремя смыться”.

В кинозал Тани вела дверь толщиной с ту, которой в банке закрывают подземное хранилище. Массивность двери давала понять, что на звукоизоляции заказчик не экономил.

Домашний кинотеатр Тани оказался не из рядовых. Плазменная панель размером в полстены, колонки мощностью со свадебные, звукоизоляция стен, светозвуконепроницаемые жалюзи на окнах – такому кинотеатру цена многие тысячи баксов.

Я увидел на столике консервную банку, на треть заполненную орешками. Банку я поднял, закрыл крышкой, встряхнул. Звук получился точь-в-точь как тот звук, который издаёт консервная банка, на треть заполненная орешками, когда её встряхиваешь.

Я вручил банку Тане, попросил из кинозала выйти, закрыть дверь снаружи, и потрясти банку как можно сильнее, чтобы получился звук как из большой погремушки.

Таня улыбнулась, вышла, заперла дверь. С полминуты я стоял возле двери и вслушивался. Когда Таня открыла дверь, и спросила: “Что слышали?”, я покачал головой, сказал: “Ни черта! Изоляция у вас клёвая”.

Таня показала мне консервную банку. Когда банку держал в руках я, банка была целёхонькой. Таня же показала мне не банку, а почти лепёшку. На мой взгляд-вопрос Таня сказала, что для усиления эффекта не только банку потрясла, но ещё и грохнула банкой что есть мочи об кафельный пол, а затем ещё и чуток по банке потопталась. За инициативу я Таню похвалил.

Я попросил Таню включить телевизор. Таня подняла со столика пульт, нажала красную кнопку. На экране заплясала юная полуголая певица, запела современную муть ни о чём. Я взял у Тани пульт, поддал громкости, затем я из кинозала вышел.

Когда закрыл за собой дверь, возникло ощущение, будто оборвал певицу на полуслове: я оказался в тихом коридоре, где о громкой песне, что гремела в кинозале, напоминало ровным счётом ничего. Когда я дверь открыл, и грохот музыки заполнил коридор, то мне пришлось признать, что звукоизоляция в кинозале не просто – с таниных слов – хорошая, но я бы даже сказал, что таки отменная.

Танина версия “Алёна обчистила сейф, пока я сидела в кинозале” бредом не выглядела. Алёна могла знать, что из таниного кинозала услышать то, что творится снаружи, не сможет даже книжный супергерой с мегаслухом, что уж говорить о простой земной Тане. При этом Таня выходит из кинозала только на рекламе, раз в пятнадцать минут. Пока Таня сидела в кинозале, обчистить танин сейф Алёна могла запросто.

Чтобы стать отменной, таниной версии не хватало ответа на вопрос: “Зачем Алёна, если обчистила сейф в десять утра, навестила танин холл в час дня, притом не забыла надеть ворванный браслет?”.

В качестве рутинной проверки, только ради протокола, безо всякой задней мысли я решил убедиться, что Таня не ошиблась, и передачу о модных шмотках смотрела таки в десять утра.

Возле кресла стоял столик, на столике лежала газета с телепрограммой, рядом с газетой скучал без дела карандаш. Газета была раскрыта на восьмом июля. Надпись “День семьи, любви и верности” красовалась витиеватым шрифтом поверх колонок с программой телепередач на день.

Я пробежал взглядом по колонкам телепрограммы. Изысками оформления программа не отличалась: каждая строчка колонки начиналась временем начала передачи, далее шло название передачи.

Некоторые передачи Таня отметила: карандашом заключила в кружок время начала передачи.

В одной из колонок я таки отыскал передачу, по названию похожую на ту, в которой могла идти речь о модных шмотках. Искать с лупой не пришлось, потому как время начала передачи обвёл кружком грифель карандаша. Передача начиналась таки в десять утра.

В соседней колонке грифель карандаша отметку оставил тоже. Таня отметила фильм “Блеф”. Да не просто отметила, как передачу о модных шмотках, рядовым кружком. Кружков вокруг времени начала “Блефа” Таня нарисовала три, один в одном.

Я подумал, что Алёна могла увидеть отмеченный в телепрограмме фильм, подумать, что Таня собирается в час дня смотреть “Блеф”, и в час с копейками Алёна решила обчистить танин сейф. Почему нет? Только Алёне не повезло. То, что помогло Алёне обчистить танин сейф и при этом Тане на глаза не попасться, помогло избежать встречи с Таней и алёниному убийце.

С часу дня – с момента начала фильма “Блеф” – до первой рекламной паузы примерно минут десять. Эти шестьсот секунд в танином холле можно делать что угодно: хоть петь песню, хоть бить Алёну бутылкой по затылку. Ни того, ни другого Таня не услышит, потому как сидит в кинозале, где звукоизоляция отменная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.